

Модель реализации культурной политики Приднестровья в условиях современного этнокультурного ландшафта

Голубь Наталья Александровна,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры «Социально-культурная деятельность и сценические искусства»

Приднестровского государственного института искусств им. А.Г. Рубинштейна,

Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. Свердлова, 19

ORCID: 0000-0002-3698-7666

tirrech@yandex.ru

Аннотация

В парадигмальном поле социокультурных исследований фиксируется наличие вариативности подходов к моделям культурной политики. Применяя типологии, выдвинутые российскими и зарубежными исследователями, такими как А.Е. Хренов, А.С. Балакшин, А. Моль, Э. Эверитт, А. Визанд, и эксплицируя эти модели в разрезе приднестровской сферы культуры, автор исследования обосновывает необходимость выработки и внедрения на данном этапе развития общества такой модели культурной политики Приднестровья, которая отвечала бы современным запросам полиэтнокультурного сообщества, подверженного ассимиляционным процессам под воздействием складывающейся геокультурной и геополитической ситуации. В спектре данных дефиниций и рассматриваются существующие модели культурной политики, возможности имплементирования которых определяются целями, субъектами и инструментами ее реализации, а также наличием действенных акторов (активных творцов), имеющих реальные возможности на нее влиять. Детерминация данных положений лежит в плоскости выбора того вектора культурного развития страны, той оптимальной модели культурной политики, избрание которой в условиях социокультурных трансформаций актуализирует важность сохранения доминантной интегративной культуры на фоне придания особой роли культурным сообществам, творческим объединениям и ассоциациям, проявляющим свою позицию наравне с государством с учетом гетерогенности приднестровской культуры.

Проведенное исследование, основанное на триангуляции культурологического и политико-философского подходов, выявило, что наиболее оптимальной, по мнению автора, является «публичная модель» культурной политики. Она обладает институциональным балансом и направлена на

динамическое развитие культуры на социальном и локальном уровнях, отличается толерантностью и транспарентностью, но при этом учитывает национальный характер живущего на данной территории населения. В связи с этим актуализируется изучение этой модели, возможностей ее имплементирования в перспективное развитие республики, что позволяет агрегировать коммуникативное взаимодействие государства с обществом путем поддержки диалога внутри общества, между различными его сегментами и носителями различных идентичностей.

Ключевые слова: культурная политика, модели культурной политики, публичная модель культурной политики, Приднестровье.

Model of Implementation of Cultural Policy of Transnistria in Conditions of the Modern Ethno-Cultural Landscape

Natalia Golub,

Cand. Sc. (Economic), Associate Professor,

*Associate Professor of the Department of Social and Cultural
Activities and Stage Arts,*

*A.G. Rubinstein Pridnestrovian State Institute of Arts,
19 Sverdlov Street, Tiraspol, 3300, Pridnestrovie*

ORCID: 0000-0002-3698-7666

tirrech@yandex.ru

Abstract

In the paradigm field of sociocultural research, the presence of variability of approaches to models of cultural policy is fixed. Applying the typologies put forward by Russian and foreign researchers, such as A.E. Khrenov, A.S. Balakshin, A. Mol, E. Evertitt, A. Wisand, explicating these models in the context of the Pridnestrovian sphere of culture, this study substantiates the need to develop and the introduction at this stage of the development of society of such a model of cultural policy that would meet the modern needs of a multi-ethnic and cultural community subject to assimilation processes under the influence of the emerging geocultural and geopolitical situation. It is in the spectrum of these definitions that the existing models of cultural policy are considered, the implementation possibilities of which are determined by the goals, subjects and tools for its implementation, as well as the presence of effective actors (active creators) who have real opportunities to influence it. The determination of these provisions lies in the plane of choosing that vector of the country's cultural development, that optimal model of cultural policy, the election of which, in the context of sociocultural transformations, actualizes the importance of preserving the dominant integrative culture, against the background of giving a special role to cultural communities, creative associations and associations, showing their posi-

tion on a par with state, taking into account the heterogeneity of the Pridnestro-
vian culture.

The study, based on the triangulation of cultural and political-philosophical
approaches, revealed the need to introduce a new model of the cultural policy of
such a young state as Pridnestrovie, as a way to preserve the state integrity and
civil identity of a multi-ethno-cultural republic, under the influence of globaliza-
tion trends.

According to the author, the most optimal is the “public model” of cultural
policy, which has an institutional balance, is aimed at the dynamic development
of culture at the societal and local levels, is distinguished by tolerance and trans-
parency, but at the same time takes into account the national character of the
population living in the given territory. In this connection, the study of this mod-
el is updated, the possibilities of its implementation in the prospective develop-
ment of the republic, which allows aggregating the communicative interaction of
the state with society, by supporting a dialogue within society, between its various
segments and carriers of different identities.

Keywords: cultural policy, models of cultural policy, public model of cultur-
al policy, national identity, Pridnestrovie.

Библиографическое описание для цитирования:

Голубь Н.А. Модель реализации культурной политики Приднестровья в услови-
ях современного этнокультурного ландшафта // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15,
№ 4, ч. 2. – С. 408–426. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-408-426.

Golub N. Model of Implementation of Cultural Policy of Transnistria in Conditions
of Modern Ethno-Cultural Landscape. *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 4,
pt. 2, pp. 408–426. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-408-426.

Введение

Приднестровье как неотъемлемая часть Русского мира, нацеленная
на широкое участие в интеграционных процессах на евразийском про-
странстве, формируя особую приднестровскую гражданскую идентич-
ность на основе традиционной атмосферы толерантности и межнаци-
онального согласия, стремится стать полноценным субъектом между-
народного права (республика имеет отложенный юридический статус
более 30 лет). Для этого важно обеспечить дипломатическими мето-
дами благоприятные условия для развития республики как современ-
ного демократического государства, придать импульс инновационному
развитию, направленному на сохранение, приумножение и популяри-
зацию исторического и культурного наследия, что требует выработки
действенной государственной культурной политики, подкрепленной
конкретным планом действий в условиях геополитических и геокуль-
турных изменений. Причем деятельность акторов в условиях глобали-
зации должна быть направлена как на сохранение, выживание нацио-

нальной культуры в эпоху торжества толерантности и транспарентности, организацию взаимодействий между носителями различных ценностных систем и форм культуры, выполняя функции медиатора в процессе «столкновения цивилизаций», так и на ее изменение, поскольку любые крупные социальные преобразования сопровождаются модификациями в системах, способствующими экономическому и социальному развитию государства.

Дихотомия проблемы обусловлена тем, что мейнстримным руслом внешней политики ПМР обозначен евразийский курс развития, и ядром его являются такие приоритеты, как «защита и укрепление экономической и информационной безопасности республики, практическая реализация потенциала публичной дипломатии для всестороннего развития... путем наращивания сотрудничества в экономической и научно-культурной сферах с субъектами Российской Федерации» [13]. Однако отсутствие общей границы с РФ и территориальное соседство с Украиной и Молдовой (взявшими курс на европейскую интеграцию) и их значительное идеологическое влияние на фоне миграционных и ассимиляционных процессов обуславливают активизацию прозападного вектора культурного развития Приднестровья. И недооценивать это влияние в большей степени нецелесообразно. Ведь сама культура оказывает активное обратное воздействие на государство и политику. И подтверждением тому является деятельность третьего сектора в Приднестровье, который имеет локальную грантовую подпитку со стороны европейских фондов, большинство из которых направляют перманентно средства на политическое влияние и поддержку ЛГБТ-сообщества, и это на фоне, к сожалению, незначительной грантовой поддержки со стороны госорганов ПМР в силу ряда объективных причин (прежде всего непризнанности государства).

Поэтому столь важно определиться с выбором такой модели культурной политики, которая соответствовала бы запросам населения и вызовам современности, обладала институциональным балансом и курсом на динамичное развитие культуры и страны в целом. И эта модель должна зависеть от целей и характера регулирования культурных процессов (ввиду многообразия социальных систем) при делегировании полномочий непосредственным и активным участникам культурной политики, а также при должном финансовом обеспечении намеченных программ ее реализации. В связи с этим актуализируются подходы к анализу модели культурной политики Приднестровья в парадигмальном поле, определения того, насколько она отвечает запросам общества, соответствует законодательному мейнстриму государства и тем вызовам (политическим/экономическим), которые обусловлены «разнонаправленными тенденциями изменения

социокультурного пространства глобализирующихся обществ... где наиболее четко выраженными являются мультикультурализм, транскультурализм и глокализация» [7, с. 124].

Модели культурной политики в культурологическом дискурсе

Определяя модель, отметим, что в теории и практике отсутствует унифицированная типология моделей культурной политики (хотя некий общий знаменатель в них присутствует). Это обусловлено многообразием социальных систем, способами существования больших и локальных сообществ, доминирующими политическими и социальными процессами, а также целями и характером регулирования культурных процессов на различных территориях.

Проблематика культурной политики не обойдена вниманием ученых-теоретиков и практиков в России и за рубежом, однако фундаментальных работ, посвященных ее анализу как специфического феномена, в крайней степени недостаточно, тем более в русле приднестровской культуры. Проектирование и реализация культурной политики, опирающейся на объективные закономерности и понимание процессов самоорганизации, присущие культурной подсистеме, рассмотрены в трудах российских ученых (Н.М. Геновой, А.С. Балакшина, О.Н. Астафьевой, А.Е. Хренова и др.), зарубежных исследователей (А. Моль, Э. Эверитта, А. Визанд и др.) и ряда приднестровских авторов (Н.В. Дымченко, Н.В. Мясниковой, С.И. Берилла и др.). Современные концептуальные основания государственной культурной политики ПМР до настоящего времени, к сожалению, не являлись специальным предметом целостного исследования. Лишь отдельные ее аспекты так или иначе затрагивались в работах общеполитического, общеполитического и частично культурологического характера.

Метод социокультурного подхода, опирающийся на теоретико-методологические основания, выдвинутые современными учеными для эмпирического анализа модели культурного развития, позволяет нам рассмотреть культурную политику Приднестровья на социальном и локальном уровнях и получить более полную картину исследования. Экспликация полученных данных проводится в рамках триангуляции культурологического и политико-философского подходов, учитывая целую панораму интерпретаций модельного характера культурной политики государств, отражающих «взаимосвязь и взаимообусловленность географической, социальной и культурной сред жизнедеятельности человеческого сообщества» [3].

Для определения модели приднестровской культурной политики, которая постоянно коррелируется под воздействием геокультурных и геополитических влияний, обратимся к трудам зарубежных и отечественных

ученых, имплементируем их типологию применительно к такому младого-государству, как Приднестровье, которое перманентно выстраивает свою нацполитику.

Во-первых, нельзя не согласиться с высказыванием А.С. Балакшина, что «“политика в области культуры” – дефиниция политологическая, и потому всякое участие в ней сопряжено со сферно-политической проблемой власти. И та дилемма, которая возникает между индивидом и властью, разрешается путем перевода нашего мышления на культурологический регистр» [2, с. 3]. Детерминация специфического феномена культуры, в том числе в рамках государственно-субъектного устройства, красной нитью проходит в исследованиях этого ученого, который отмечает, что «культура является не только некоей обособленной сферой общественной жизни, но “разлита” по всему социальному организму... существенно воздействуя на ее фундаментальные основы» [2, с. 3]. Поэтому с учетом непризнанности приднестровского государства на фоне геополитической ситуации, стремления противостоять западным ценностям, ориентации на евразийский курс развития возникает необходимость поиска институционального равновесия путем корреляции баланса между национальным и глобальным, сохранением надэтнической гражданской идентичности и культуры через систему культурных и образовательных учреждений. Итогом должен стать выбор оптимального варианта модели культурной политики для Приднестровья нынешнего этапа развития.

Во-вторых, основываясь на типологии моделей культурной политики, предложенных различными учеными, соотнесем их с приднестровским вектором развития культуры. Так, французский исследователь А. Моль выделил *социостатическую* (популистскую, патерналистскую и эклектическую) и *социодинамическую культурную политику* [10]. Эксплицируя применительно к нашей республике, отметим, что для современного Приднестровья в большей степени характерна популистская модель. Это обусловлено тем, что проводимая политика ориентирована скорее на удовлетворение культурных потребностей наибольшего числа людей, чем индивидуальных культурных потребностей каждого человека. Анализируя происходящие процессы социокультурной динамики в республике, отметим, что по-прежнему высока степень консервативности, в том числе и в силу ряда субъективных причин (кадровых, структурных, финансовых). Более предметно это можно продемонстрировать на моделях, которые предложил немецкий исследователь А. Визанд. В их числе «*модель общественной поддержки культуры, осуществляемая на общенациональном уровне, где главной целью является обеспечение институционального баланса в культуре и искусстве (через музеи, театры, библиотеки, культурные центры)*» [17] с обозначением важнейшей

роли за признанными творческими деятелями культуры. «Второй моделью является *рыночно-ориентированная модель* культурной политики, которая главным образом направлена на достижение экономического результата с опорой на всё возрастающую роль культурной элиты, творческой интеллигенции, представителей искусства, маркетологов и бизнесменов» [17]. Данная модель базируется на инновационных подходах, культурном лидерстве, социокультурном проектировании. Отметим, что для культуры Приднестровья характерно сочетание структурных элементов обеих этих моделей при доминантном первом подходе. Констатируем тот факт, что уровень развития нашего государства пока не позволяет перейти на вторую ступень, и по-прежнему оно остается на общенациональном уровне. Но при этом «голос» культурного общества зачастую руководители госструктур не слышат. За более чем тридцатилетнюю историю существования республики отрасли приднестровской культуры никогда не был придан статус министерства, более того, в статусе самостоятельного ведомства она существовала только треть этого периода (наибольшую часть времени – в качестве структурного подразделения Министерства просвещения). Подчеркнем, что доминирующая роль лидеров культуры, субъектность которых актуализируется, как правило, лишь тогда, когда ставится под сомнение судьба гуманистических ценностей, была продемонстрирована лишь единожды. В 2016 году, после всего двух лет работы Государственной службы по культуре и историческому наследию ПМР (далее – Госслужба), когда сферу культуры вновь решили лишить самостоятельности и вернуть в Министерство просвещения, культурные элиты смогли объединиться и, выступив единым фронтом, убедили президента ПМР в нецелесообразности подобного объединения. В итоге слияния не произошло, и Госслужба по-прежнему имеет самостоятельный юридический статус.

Н.М. Генова в своих трудах отмечает бесперспективность традиционного подхода, рассматривающего проблемы культурной политики в традиционно-монополистическом или государственно-монополистическом плане с ориентацией на глобальную программную политику, которая находит отражение в пространстве региона. Российский ученый акцентирует внимание на инновационном подходе, опирающемся на «признании диверсификации культурной политики разных регионов, утверждении прав различных групп людей на собственную культурную политику и на свою собственную деятельность, на выражение своих целей и интересов в региональном масштабе» [5, с. 14]. Причем этот подход, по мнению автора, максимально охватывает профессиональные сообщества, творческих работников и всех тех, кто так или иначе причастен к культурной деятельности. Это отражается на формировании двух типов культуры: *глобальной*

(за счет интернета, телевидения, кинематографа, массмедиа) и *традиционной, просветительской* (основную роль играют скорее развлекательные, чем познавательные компоненты). Именно последний тип культуры способен «преодолеть любые барьеры вне зависимости от того, кто и как их расставляет. Это культура, которая по своей природе расширяется в геометрической прогрессии совместно с социальными и экономическими процессами, прежде всего – с урбанизацией» [5, с. 15]. Опираясь на данную типологию, отметим, что для ПМР характерно сочетание представленных моделей, но наблюдается доминирование традиционной с вкраплением элементов глобальной. Подтверждением этому является стремительность распространения глобализационных процессов на уровне молодежных субкультур. Вот один из примеров: в конце февраля 2023 года после массовых драк в российских торговых центрах между молодежными группировками «Спортики» и «ЧВК Рёдан» спустя всего две недели призывы к столкновениям в крупных городах республики появились и в наших соцсетях, оказав влияние на приднестровских подростков.

Российский исследователь А.Е. Хренов дифференцирует модели культурной политики по степени открытости и характеру регулирования, основываясь на двух измерениях (см. таблицу). Первое представлено шкалой «этатистская¹ – рыночная», второе – доминированием официальных ценностей и культурных форм [14, с. 5].

Модели культурной политики

Степень открытости культурной политики	Характер регулирования культуры	
	Этатистический	Рыночный
Закрывающая	Модель доминантной культуры	Модель массовой культуры
Открывающая	Модель культурного национализма	Общественная модель культуры

Под *доминантной* ученый подразумевает модель, обеспечивающую легитимацию правящей группы, когда именно государство формирует единую нацию с общей системой культурных кодов, согласовывая культурную политику с культурными, общественными, этническими и религиозными организациями. Именно такая политика проводилась в Приднестровье с 1990 по 2011 год (при президенте И.Н. Смирнове). На этот период становления республики пришлись консолидация общества, создание и

¹ Этатизм – политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни.

расцвет национальных союзов и общин²; их определяющее участие в социально-политической и культурной жизни младого государства. Этот вектор подтверждает и ведущий культуролог республики Николай Дымченко, отмечая, что «сохранение культурного наследия народов Приднестровья было и остается той областью культуры, в которой роль и степень государственного регулирования должны быть наиболее значительными, а следовательно, и одними из приоритетных направлений культурной политики государства» [8, с. 2].

«В модели культурного национализма государство поддерживает культуру этнического большинства. Иным этническим группам уготована судьба ассимиляции или вытеснения на культурную периферию» [14, с. 6]. Эта модель присуща именно современному периоду развития Приднестровья. Ее суть заключается в «официальном признании культурных прав различных этнических и социальных групп при фактической гегемонии культурных форм господствующей этнической группы» [14, с. 6]. При создании ПМР как официальные были закреплены три равноправных языка (русский, украинский, молдавский), но фактически повсеместно доминируют русский язык и русскокультурность, поскольку «историческая принадлежность территории Приднестровья к Российскому государству и тесные связи приднестровцев с современной Россией сформировали в культуре Приднестровья устойчивую доминанту “Русского мира”» [4, с. 15]. Это прослеживается в делопроизводстве органов законодательной, исполнительной и судебной власти, в образовании и культуре, что актуализирует образовательные и культурные диспропорции по отношению к другим этносам. Это приводит к тому, что «при равном статусе с русским языком – другие обречены на статус “семейных” языков, не имеющих силы конкурировать с русским, хотя изучаются во всей вертикали образования» [12, с. 127], не учитывая того, что в Приднестровье исторически проживают русские (33,8 %), молдаване (33,2 %), украинцы (26,7 %) ³ [12, с. 16]. Около 90 % культурно-массовых мероприятий проводится именно на русском языке, а постановки на других национальных языках (молдавском, украинском, гагаузском и болгарском) представлены локально в сельской местности. Способствует этому и взятый с 2018 года курс Приднестровья на политику, направленную на формирование новой надэтнической общности, именуемой «приднестровский народ».

² Наиболее крупными являются РОО «Союз молдаван Приднестровья», «Союз русских общин», «Союз украинцев»; в Приднестровье активно функционируют «Общество болгарской культуры», азербайджанская культурно-просветительская община «Хазар», «Союз гагаузов», РОД «Армянская община Приднестровья», ОО «Еврейский благотворительно-культурный центр “Хэсэд”», «Общество немецкой культуры “Байштанд-Содействие”» и др.

³ По данным переписи населения 2015 года, на территории республики постоянно проживали представители 76 этносов. Согласно данным переписи 2004 года – 82 этноса.

Для модели массовой культуры (при доминировании рыночных регуляторов) характерно нивелирование любых культурных форм и ценностей, не приносящих прибыли. Мерилом эффективности этой модели является успех, что приводит к доминированию коммерческих культурных проектов, отличающихся зрелищностью и массовостью, оставляющих за рамками вопросы национальной идентичности и сохранения культурного кода страны. Подобная модель на данном этапе развития республики в связи с тем, что Приднестровье – это небольшое государство с крайне ограниченными ресурсами (человеческими, кадровыми, инфраструктурными), с небольшими размерами культурного рынка, низкой платежеспособностью населения, близостью сопредельных крупных культурных центров (Одесса, Кишинев), неприменима. А поскольку государство не может обеспечить развитие госсектора культуры на достойном уровне, рефлексии относительно коммерческого не происходит. В результате упускаются имеющиеся возможности синергии данных направлений.

Коммерческий сектор Приднестровья в основном представлен развлекательным узконаправленным сегментом (праздники, свадьбы). Государство дистанцировалось от массовых коммерческих культурных проектов. Объяснить это можно как отсутствием должной инфраструктуры, профессиональных кадров соответствующей подготовки, так и высокими миграционными процессами, низким уровнем финансирования отрасли (менее 1,5 % ВВП). Несмотря на определенные достижения при внедрении коммерчески успешных проектов социального характера (проекты «Леди в погонах», «Звезда по имени “Солнце”» и др.), их локальный характер так и не был масштабирован и монетизирован. А талантливые исполнители и коллективы (среди них победители и финалисты таких международных проектов, как «Новая волна», «Ну-ка, все вместе», «Славянский базар», Eurovision и др.) в силу различных причин как политического, так и материального плана выступают под флагом Молдовы. Спектром их коммерческих интересов становятся творческие рынки России и стран Евросоюза. Даже после восстановления и обустройства такого инфраструктурного многопрофильного культурно-исторического объекта, как «Бендерская крепость», массовые мероприятия коммерческого характера на его территории осуществляют молдавские продюсерские центры, а не местное культурное сообщество. Поскольку на фоне расширения фронта работ (специалистов городских подразделений культуры обязали еженедельно проводить фестивали и массовые гуляния) финансирование культурной сферы не изменилось, это привело к истощению творческих возможностей, «профессиональному перегоранию», а в некоторых случаях и к возникновению нежелания трудиться на ниве приднестровской культуры. Подводя итог вышеизложенному, отме-

тим, что ориентация на данную модель возможна только в будущем (при разумной корреляции ситуации) и в большей степени будет зависеть от признания республики. Смена юридического статуса младого государства отразится в первую очередь на вопросах соблюдения прав интеллектуальной собственности, что кардинально скажется на приднестровском рынке культурных услуг. Однако есть и другая позиция общества, утверждающего, что «повсеместное внедрение агрессивной массовой культуры, при современных тенденциях “размывания” национальных традиций, замедляет процессы нравственно-этнического воспитания и формирование гуманных и патриотических качеств у новых поколений» [6, с. 293]. В связи с этим данная модель не может выступить в роли оптимальной для приднестровского сообщества, воспитанного на примерах героической истории создания и становления молодой полиэтнокультурной республики, свобода и независимость которой отстаивались с оружием в руках и ценою жизней более чем 800 приднестровцев.

В отличие от модели массовой культуры, при *общественной* сохраняются возможности развития и взаимодействия различных ценностных систем и культурных форм. Эта модель в парадигме модернизации формирует новые формы «культурной идентичности и культурной интеграции социума», но зачастую приводит к конфликтному взаимодействию между «традиционными социальными общностями, ориентированными на стандартные культурные образцы, эталоном которого становятся “понятные” символы прошлого; и коммерциализированными образцами массовой культуры» [14, с. 7]. Это, по сути, столкновение разных культурных кодов, в связи с чем задачи проводимой культурной политики должны сводиться к медиации культурного конфликта. И этот мейнстрим имеет шанс быть имплементированным в приднестровском поле культуры в будущем.

Выбор оптимальной модели развития приднестровской культуры

Но социальное движение государства невозможно без модернизации ценностей. Констатируем, что для приднестровского общества на нынешнем этапе развития по-прежнему характерен этатистский подход в проводимой культурной политике республики. Это объясняется определенной «культурной изоляцией» приднестровской культуры и ее стагнацией, демонстративным отстранением от возникающих проблем под лозунгами самоорганизации культуры. Доказательством этому являются попытки лишения самостоятельности главного исполнительного органа в сфере культуры, проводимые локальные реформы (административно-управленческие), только усугубляющие и без того сложное положение отрасли куль-

туры республики. Так, в г. Бендеры (второй по величине город республики) все муниципальные клубные организации (четыре подведомственных учреждения) должны были объединиться в единый центр управления при сокращении штатов и расширении спектра деятельности, что негативно отразилось бы на социодинамике развития культуры региона. Но данные действия были приостановлены с введением пандемийных ограничительных мер в 2020 году, что положительно отразилось на самосохранении культурного сектора города. А вот в самом большом районе республики – Слободзейском – районное управление культуры в результате административной реформы в прошедшем году было лишено собственной финансово-экономической структуры. Подведомственный штат в количестве 56 человек был передан МУ «Слободзейская централизованная бухгалтерия», в состав которого вошло также и МУ «Слободзейское районное управление по физической культуре, спорту, туризму и молодежной политике». Подобные «реформы» приводят к урезанию финансирования, ограничению самостоятельности, увеличению зависимости от различных субъективных факторов, что в итоге сказывается на оперативности функционирования и качественном совершенствовании кадрового потенциала и в целом на достижениях культурной политики, и без того не отличающейся устойчивостью. А вот действенных предложений по улучшению функционирования отрасли в целом, внедрению современных целевых программ развития, действенной поддержке культурных лидеров и культурного сообщества в частности продекларировано не было. Подобная детерминация этих псевдореформ негативно отражается на возможности проведения инновационной социально ориентированной экономики, курс на которую продекларирован государством. Несомненно, что подобные векторные проблемы культуры в современном приднестровском обществе приобретают всё больший общественный резонанс: «они становятся линиями раскола обществ и способами их интеграции» [14, с. 4]. Определение стратегии культурного развития, модели культурной политики (которая не является константой), разработка и внедрение целевых программ, направленных на поддержание национально-культурной идентичности путем сохранения культурного наследия, распространения культурной продукции, подготовки высококвалифицированных кадров и, что немаловажно, поддержки культурных лидеров (при создании определенных социальных лифтов) позволит устоять в сложившихся геополитических условиях. Выработка оптимальной модели культурной политики, имеющей конкретно-исторический характер, обусловленный общим контекстом развития государства, должна базироваться на текущих политических, экономических условиях с учетом культурных традиций общества, для которого она создается. В идеале это такая культурная политика, которая «стремится создавать ощу-

щение нации как многоликого сообщества в пределах структуры национального единства – сообщества, воплощенного в ценностях, которые могут разделяться всеми мужчинами и женщинами и давать доступ, пространство и голос всем его членам», и направлена на «обеспечение более широкого доступа к культуре всех социальных групп населения страны» [5, с. 53–56]. И здесь важно, чтобы наряду с избыточным вниманием к творчеству и культурной деятельности широких масс населения не был бы нанесен ущерб высокому искусству и культурному наследию страны. Зачастую властные структуры сами не очень хорошо понимают, почему они оказывают культуре финансовую поддержку (или не оказывают), как влияют тем самым на развитие цивилизованного общества, как используют (или не используют) искусство в качестве орудия пропаганды официальных ценностей. И приднестровское государство не исключение. Ведь в ПМР до сих пор не разработан такой основополагающий документ, как «Основы культурной политики», отсутствуют (либо крайне устарели) конкретные целевые программы, не позволяющие всесторонне оценивать состояние культурного процесса и перспективы его развития, направленные на решение насущных проблем государства и отдельных его территорий. Культурная политика должна рассматриваться при подходе к ней как ценному инструменту «для улучшения экономического положения городов; создания новых рабочих мест в сфере культурной индустрии и досуга; привлечения инвестиций и развития новых отраслей (новой) экономики за счет организации масштабных культурных акций, международного туризма» [16, р. 12]. Это же подтверждают исследования Энтони Эверитта, сравнивающего культуру со снежной лавиной, которая, «спускаясь с горного склона, вобрала в себя множество очень важных понятий» [15], и предлагающего применять скоординированный подход к управлению культурой. Изучая опыт управления культурой в Европе, ученый отмечает всё увеличивающиеся противоречия, наблюдающиеся в разрыве между словом и делом. Он заявляет, что «все государства постоянно делают заявления о важности культурной политики, но эти заявления не подкрепляются делами; и даже при условии щедрого финансирования и постоянных усилий – достижения культурной политики незначительны... У большинства граждан до сих пор нет четкого представления о том, каковы же намерения и цели их правительств в этой области» [15, с. 16]. Не лучше обстоит положение дел и в Приднестровье, где пока не сформирована отвечающая требованиям времени культурная политика, а отрасль по-прежнему финансируется по остаточному принципу. В связи с этим государство и общество еще даже не подошли к этапу анализа и оценки достигнутых результатов. Вот почему значимость позиции культурных лидеров только актуализируется. Они должны выступить проектировщиками модели культурной по-

литики республики. А останавливая выбор на той или иной модели, целесообразно руководствоваться проектным методом, центральным звеном которого станут ответы на такие вопросы:

– «Каким образом возможно сохранить этнокультурную самобытность, стабильность и каковы перспективы национальной культурной идентичности?»

– На каких критериях выстраивать межкультурный диалог?

– Как научить современных людей совместному сосуществованию на принципах толерантности и культурного плюрализма?

– Какова, в целом, роль культуры в современном мире... переживающем серьезные экономические потрясения?» [1, с. 4].

Предлагая к внедрению оптимальную модель развития приднестровской культуры, целесообразно следовать позиции историка культуры Реймонда Уильямса, представившего процессы культурной политики в виде некоего «состояния интеллектуального развития в обществе в целом», представляющего «совокупность видов искусства», вписывающихся в образ жизни «в его материальном, интеллектуальном и духовном аспектах» [19, р. 16]. Подобные постулаты закреплены в Декларации о мировой культуре, принятой на Всемирной конференции по культурной политике под эгидой ЮНЕСКО (1982 г., Мехико), в которой акцентируется внимание на том, что «культура становится ведущей силой интеллектуального обновления и человеческого совершенствования», и декларируется возможность для всех граждан «участвовать в социальной, творческой и политической деятельности, поощрении культурного самосознания (в некоторых случаях моно-, а в некоторых поликультурного), признании и развитии многообразия в современном обществе и, наконец, развитии творческого начала, и не только в искусстве, но и в других видах деятельности» [18, р. 28].

Заключение

В свете сказанного автор настоящей статьи согласен с А.Е. Хреновым, что наиболее перспективной может выступить так называемая *публичная модель культурной политики*, имеющая социетальный характер, являющаяся «способом организации коммуникативного взаимодействия между носителями различных идентичностей, культурных кодов при сохранении доминантной интегративной культуры ... и ее ядром становится как содержание и форма межкультурного диалога, так и меры, направленные на развитие доминантной культуры» [14, с. 9]. При этом изменяется субъектность этого типа политики с акцентом на особую роль культурных сообществ, творческих объединений и ассоциаций, культурных лидеров, которые проявляют свою позицию наравне с государством. Модернизация духовной сферы приднестровского общества, проходя-

щая в условиях воздействия изменяющихся геополитических и геокультурных факторов, предопределяет целесообразность избрания этой модели культурной политики, удовлетворяющей запросам современности, имеющей возможности решения задач по сохранению культурного плюрализма. Обозначая вектор развития, раздвинув рамки культурной деятельности за счет расширения участников культурного производства, важно предотвратить политизацию культурных расколов, гарантировать сохранение доминантной культуры, разорвав вынужденную культурную изоляцию. Актуальным является не только избрание модели культурной политики страны, но и закрепление статуса программ развития, направленных на все секторы приднестровской сферы культуры. Это должно быть прописано в первую очередь в таком основополагающем документе, как «Основы культурной политики ПМР», рассматривающем культуру как ресурс развития, как гуманитарный капитал общества, выступающим легитимным документом культурного планирования, нацеленного на развитие территории в целом.

Правовое регулирование внедрения публичной модели требует умелого сочетания инструментов и механизмов стратегического планирования в целях комплексной защиты национальных интересов на долгосрочную перспективу. А это, в свою очередь, подразумевает «наращивание интеллектуального и культурного потенциала нации и технологического лидерства в сочетании с последовательной защитой ее самобытности, национальной и культурной идентичности граждан, научной идентичности от вызовов и угроз национальной безопасности и устойчивому развитию страны» [11, р. 26]. И первым шагом в этом направлении как необходимое условие должно быть закрепление в сетке вещания государственных массмедиа определенного процента вещания местного полиэтнокультурного контента (музыкального, аудиовизуального и др.) для защиты и сохранения языкового и национально-культурного достояния по примеру соседних стран. Так, в Молдове, принявшей в 2018 году кодекс об аудиовизуальных медиауслугах, закреплено, что национальные и региональные телеканалы обязаны производить и транслировать не менее 80 % местного контента на румынском/родном языке и/или в прайм-тайм (не менее 75 %) [9]. В Украине общенациональные телеканалы должны транслировать не менее 75 % украиноязычного контента, а в Белоруссии – не менее 30 % белорусских программ и фильмов. Приднестровским СМИ на начальном этапе можно было бы начать с планки в 20 % с постепенным ее увеличением по мере роста числа произведенного собственного контента. И это дало бы значительный толчок как сохранению, так и развитию популяризации полиэтнокультурного наследия республики.

При сочетании поддержки традиционной культуры и культурных инноваций требуется как обращение к новым формам художественного творчества, активному использованию мягкой инфраструктуры, так и задействование пассионарных творческих сил республики. Интеллектуальными донорами культурной политики в полной мере должны стать творческие лидеры республики (как практики, так и теоретики), быть ее разработчиками и вдохновителями. Одним из действенных вариантов создания подобной группы проектировщиков видится триумвират, объединяющий представителей высшего коллегиального органа Госслужбы – Коллегии, Общественного совета при Госслужбе и сообщества культурных лидеров (в том числе представителей национальных союзов и общин, организаций третьего сектора, занимающихся вопросами культуры), самостоятельно инициатирующих свое присутствие при разработке модели культурной политики ПМР.

Отметим, что при такой модели актуализирующаяся роль творческих и национальных союзов, экспертного сообщества, культурных лидеров (которые должны получить импульс к деятельностным решениям), эксплицирующая обсуждение культурных проблем и спорных вопросов на основе транспарентности, параллельно должна агрегироваться с нормотворчеством, где важнейшими субъектами публичной культурной политики, безусловно, выступают региональные легислатуры, формирующие соответствующую законодательную базу всего культурно-политического процесса. Но итоговым и первостепенным результатом должна стать разработка и внедрение такого нормообразующего законотворческого документа, как «Основы культурной политики», который станет отправной точкой и закрепит вектор этнокультурного развития республики на текущую перспективу.

Литература

1. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (лекции 1–3) // Культурологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 1–21. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3 (дата обращения: 24.11.2023).
2. Балакишин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2005. – 60 с.
3. Балакишин А.С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2004. – Вып. 1 (3). – С. 374–379.
4. Берил С.И., Окушко В.Р. Культурное и духовное единство Приднестровья и России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 1 (45). – С. 14–19.

5. *Генова Н.М.* Основы культурной политики: учебно-методическое пособие. – Омск: ФКиИ ОмГУ, 2011. – 144 с.
6. *Главацкая Е.Ю., Мясникова Н.В.* Государственная культурная политика: содержание и отечественный опыт // *Science and Education: Problems and Innovations: сборник статей IV Международной научно-практической конференции.* – Пенза: Наука и просвещение, 2020. – С. 292–295.
7. *Думнова Э.М.* Основные тенденции трансформации социокультурного пространства в условиях международной миграции // *Идеи и идеалы.* – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 123–138. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138.
8. *Дьмченко Н.В.* Диалог культур и культурный имидж ПМР: реалии и перспективы // *Контур будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения.* – СПб., 2018. – С. 406–407.
9. Кодекс Республики Молдова об аудиовизуальных медиауслугах: от 08.11.2018 № 174 // *Monitorul Oficial.* – 2018. – № 462–466. – Ст. 766.
10. *Маль А.* Социодинамика культуры: пер. с фр. / предисл. Б.В. Бирюкова. – Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.
11. Перспективы реализации государственной культурной политики: правовые основы, сферы, институциональные решения: экспертный доклад / С.Г. Волобуев, А.В. Посадский, А.Б. Рудаков, П.А. Шашкин. – М.: Институт наследия, 2022. – 94 с. – DOI: 10.34685/NI.2022.19.91.003.
12. *Степанов В.П.* Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). – М.; Тирасполь, 2015. – 224 с.
13. Указ Президента ПМР «Об утверждении Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики» от 20 ноября 2012 года № 766 (САЗ 12-48).
14. *Хренов А.Е.* Модели культурной политики: смена парадигм // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.* – 2013. – Т. 199. – С. 4–11.
15. *Эверитт Э.* Как управлять культурой: интегрированное культурное планирование и культурная политика // *Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры.* – М.: Либерия, 2002. – С. 100–123.
16. *Bianchini F.* Cultural planning for urban sustainability // *City and Culture. Cultural processes and urban sustainability.* – Karlskrona, Swedish Urban Environment council, 1999.
17. *Fisher R., Mitchel R.*: Professional Managers for the Arts and Culture? Training of cultural administrators and the art managers in Europe: CIRCLE Report. – Helsinki: Art Council of Finland, 1992. – P. 36–38.
18. *In from the Margins. A contribution to the debate on culture and development in Europe.* – Strasbourg: Council of Europe, 1997.
19. *Williams R.* Culture and Society, 1780–1950. – London: Penguin Books, 1961.

References

1. Astafieva O.N. Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deyatel'nost' (lektzii 1–3) [Cultural policy: theoretical notion and administration (lectures (1–3))]. *Kul'turologicheskii zhurnal = Journal of Cultural Research*, 2010, no. 2, pp. 1–21. Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3 (accessed 24.11.2023).
2. Balakshin A.S. *Kul'turnaya politika: teoriya i metodologiya issledovaniya*. Avnoref. diss. dokt. filos. nauk [Cultural policy: theory and methodology of research. Author's abstract of Dr. philos. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2005. 60 p.
3. Balakshin A.S. Sushchnost' i sodержanie ponyatiya «kul'turnaya politika» [The essence and content of the concept of “cultural policy”]. *Vestnik Nizhgorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Social sciences*, 2004, iss. 1 (3), pp. 358–364.
4. Beril S.I., Okushko V.R. Kul'turnoe i dukhovnoe edinstvo Pridnestrov'ya i Rossii [Cultural and spiritual unity of Transnistria and Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow state University of culture and arts*, 2012, no. 1 (45), pp. 14–19.
5. Genova N.M. *Osnovy kul'turnoi politiki* [Fundamentals of cultural policy]. Omsk, OmGU Publ., 2011. 144 p.
6. Glavatskaya E.Yu., Miasnikova N.V. [State cultural policy: content and domestic experience]. *Science and Education: Problems and Innovations*. IV International Scientific Conference. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2020, pp. 292–295. (In Russian).
7. Dumnova E.M. Osnovnye tendentsii transformatsii sotsiokul'turnogo prost-ranstva v usloviyakh mezhdunarodnoi migratsii [The Main Trends in the Transformation of the Socio-Cultural Space in the Context of International Migration]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 123–138. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138.
8. Dymchenko N.V. [Dialogue of cultures and the cultural image of the PMR: realities and prospects]. *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya* [Contours of the Future in the Context of World Cultural Development]. XVIII Likhachev Scientific Readings. St. Petersburg, 2018, pp. 406–407. (In Russian).
9. Kodeks Respubliki Moldova ob audiovizual'nykh mediauslugakh: ot 08.11.2018 № 174 [The Code of the Republic of Moldova on Audiovisual Media Services Nr. 174 dated 08.11.2018]. Kodeks Respubliki Moldova ob audiovizual'nykh mediauslugakh: ot 08.11.2018 № 174 // *Monitorul Oficial*, 2018, no. 462–466, art. 766.
10. Moles A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. 3rd ed. Moscow, LKI Publ., 2008. 416 p. (In Russian).
11. Volobuev S.G., Posadskii A.V., Rudakov A.B., Shashkin P.A. *Perspektivy realizatsii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: pravovye osnovy, sfery, institucional'nye resheniya* [Prospects for the implementation of state cultural policy: legal framework, areas, institutional solutions]. Expert report. Moscow, Russian Heritage Institute, 2022. 94 p. DOI: 10.34685/HI.2022.19.91.003.

12. Stepanov V.P. *Etnopoliticheskoe konstruirovaniye grazhdanskoj identichnosti na dvukh beregakh Dnestra (1989–2014 gg.)* [Ethnopolitical construction of civil identity on the two banks of the Dniester (1989–2014)]. Moscow, Tiraspol', 2015. 224 p.
13. Decree of the President of the PMR “On approval of the Foreign Policy Concept of the Pridnestrovian Moldavian Republic” dated November 20, 2012 No. 766 (SAZ 12-48). (In Russian).
14. Khrenov A.E. Modeli kul'turnoi politiki: smena paradigim [Models of cultural policy: a paradigm shift]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 2013, vol. 199, pp. 4–11. (In Russian).
15. Everitt A. The governance of culture: Approaches to integrated cultural planning and policies. *Kul'turnaya politika v Evrope: vybor strategii i orientiry* [Cultural policy in Europe: Choice of Strategy and Milestones]. Moscow, Libereya Publ., 2002, pp. 100–123. (In Russian).
16. Bianchini F. Cultural planning for urban sustainability. *City and Culture. Cultural processes and urban sustainability*. Karlskrona, Swedish Urban Environment council, 1999.
17. Fisher R., Mitchel R. *Professional Managers for the Arts and Culture? Training of cultural administrators and the art managers in Europe*. CIRCLE Report. Helsinki, Art Council of Finland, 1992, pp. 36–38.
18. *In from the Margins. A contribution to the debate on culture and development in Europe*. Strasbourg Council of Europe, 1997.
19. Williams R. *Culture and Society, 1780–1950*. London, Penguin Books, 1961.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

Статья прошла рецензирование 27.04.2023.

The article was received on 20.03.2023.

The article was reviewed on 27.04.2023.